

## ИЗМЕНЯЮЩИЙСЯ СОЦИУМ

Социальная структура, социальные институты и процессы.

Политическая социология

CHANGING SOCIETY

Social Structure, Social Institutions and Processes. Political sociology

Научная статья

Социологические науки

УДК 1:304.5

[https://doi.org/10.53658/RW2024-4-4\(14\)-151-163](https://doi.org/10.53658/RW2024-4-4(14)-151-163)

# Гибридизация религиозных институтов как индикатор духовно-нравственного кризиса

Павел Александрович Барахвостов✉

Белорусский государственный экономический университет, Минск, Белоруссия

[barakhvostov@yandex.by](mailto:barakhvostov@yandex.by), <https://orcid.org/0000-0001-8943-5980>

**Аннотация.** В статье явление духовно-нравственного кризиса рассмотрено в рамках институционального подхода, дополненного теорией институциональных матриц (ИМ). Показано, что кризис социальной системы представляет собой неустрашимый дисбаланс в институциональной матрице, обуславливающий невозможность продолжать свое развитие по прежней траектории. Установлено существование исторически инвариантного индикатора кризиса социокультурной подсистемы – гибридизации религиозных институтов. Данное явление детально обсуждается на примере кризисов в эпоху Средневековья в Византии и Западной Европе. Установлено, что независимо от типа ИМ христианство в эпоху кризиса сталкивается с гибридизацией дохристианскими практиками и элементами религий контактных общественных систем (в частности, ислама). Целью подобной гибридизации, которая может инициироваться как «сверху» (властью), так и «снизу» (силами общества), является укрепление как доминирующих (определяющих социальную идентичность общества), так и комплементарных (выполняющих компенсаторную функцию) институтов в институциональной матрице. Показано, что при укреплении доминирующих институтов в институциональной матрице с целью преодоления кризиса нельзя их абсолютизировать путем практически полного искоренения комплементарных институтов. Кроме того, институциональный гибрид более устойчив, и его формирование способствует долгосрочному разрешению кризиса только тогда, когда процесс гибридизации учитывает географические условия, в которых живет общество. Изученная в статье гибридизация указывает на то, что

религии в своем развитии взаимопроникали друг в друга намного больше, чем принято признавать, и опыт подобной гибридизации является наиболее прочным фундаментом плодотворного межконфессионального диалога.

**Ключевые слова:** общественная система, институты, институциональная матрица, кризис, религия

**Для цитирования:** Барахвостов П.А. Гибридизация религиозных институтов как индикатор духовно-нравственного кризиса // Россия и мир: научный диалог. 2024. № 4(14). С. 151-163, [https://doi.org/10.53658/RW2024-4-4\(14\)-151-163](https://doi.org/10.53658/RW2024-4-4(14)-151-163)

Original Article

Sociological Sciences

[https://doi.org/10.53658/RW2024-4-4\(14\)-151-163](https://doi.org/10.53658/RW2024-4-4(14)-151-163)

# Hybridization of Religious Institutions as Indicator of Spiritual and Moral Crisis

Pavel A. Barakhvostov✉

Belarusian State Economic University, Minsk, Belarus

barakhvostov@yandex.by, <https://orcid.org/0000-0001-8943-5980>

**Abstract.** In this paper, the phenomenon of social crisis is studied within the framework of the institutional approach supplemented with the theory of institutional matrices (IM). It is shown that the crisis of the social system constitutes an irreparable disbalance in the institutional matrix, which leads to its inability to develop along the established trajectory. The existence of a historically invariant indicator of the crisis of the sociocultural subsystem has been established - the hybridization of religious institutions. This phenomenon is discussed in detail using the example of crises during the Middle Ages in Byzantium and Western Europe. Christianity, when in crisis, is determined to face, independently of the matrix type, hybridization with pre-Christian practices and elements of the religions of the societies in contact (in particular, Islam). The purpose of such hybridization, initiated either from the above (by the authorities) or from the below (by the grass roots), is in strengthening the dominant (determining the social identity of society) or the complementary (performing the compensatory function) institutions in the institutional matrix. It is shown that upon strengthening the dominant institutions in the institutional matrix with the aim of overcoming the crisis the complementary institutions cannot be totally eradicated. Besides, the formed institutional hybrid is more sustainable and its formation helps to solve the crisis in the long run only when the process of hybridization takes into account the geographical factors of the environment in which society lives. The hybridization, studied in this paper, indicates that religions in their development interpenetrated each other much more than is commonly recognized, and the experience of such hybridization is the most solid foundation for fruitful interfaith dialogue.

**Keywords:** social system, institutions, institutional matrix, crisis, religion

**For citation:** Barakhvostov P.A. Hybridization of Religious Institutions as Indicator of Spiritual and Moral Crisis. Russia & World: Scientific Dialogue. 2024; 4(14):151-163. [https://doi.org/10.53658/RW2024-4-4\(14\)-151-163](https://doi.org/10.53658/RW2024-4-4(14)-151-163)

## Введение

На протяжении нескольких десятилетий страны постсоветского пространства находятся в состоянии глубинной трансформации. Радикальные изменения потрясли социальную сферу, характер взаимоотношений между людьми, что позволяет говорить о духовно-нравственном кризисе, наблюдаемом в обществе. Это актуализировало исследования кризисных явлений [2; 4; 7; 10; 12; 13].

Отдельные аспекты кризиса описываются и анализируются социологами, историками, политологами, экономистами [3; 9; 15]. Как правило, внимание акцентируется на временном отрезке, охватывающем последнее столетие. Однако кризис – явление не уникальное, а характерное для исторического развития. Это проявление объективного хода истории, обусловленного динамичностью социальных систем [1], их способностью к трансформации вследствие «различия между состоянием социальной системы в определенный момент и состоянием той же самой системы в другой момент, на другом отрезке времени» [14, с. 455]. Возникает вопрос: существует ли некий исторически инвариантный индикатор кризиса общественной системы и, в частности, ее наиболее трудно описываемой количественно социокультурной сферы? Рассмотрению данной проблемы и посвящена настоящая работа.

## Материалы и методы

Методологической основой исследования является институциональный подход, дополненный теорией институциональных матриц (ИМ), в соответствии с которым состоящая из взаимосвязанных подсистем (экономической, политической и социокультурной) общественная система регулируется сложной системой институтов, понимаемых в самом широком смысле как «правила игры, определяющие социальное действие» [18]. Среди них можно выделить образующие институциональную матрицу базовые институты – «глубинные, исторически устойчивые и постоянно воспроизводящиеся социальные отношения, обеспечивающие интегрированность разных типов обществ, исторические инварианты, которые позволяют обществу выживать, сохранять свою целостность и развиваться в данной ему материальной среде» [6, с. 56].

Различают два основных типа базовых институтов: редистрибутивные (общественная собственность, редистрибуция (аккумуляция – согласование – перераспределение) с задействованием центра, централизованное политическое устройство, иерархическая вертикаль власти, коммунитарное мировоззрение, эгалитаризм) и рыночные (частная собственность, купля-продажа как институт обмена, прибыль как институт саморегуляции экономики, конкуренция, самоуправление и субсидиарность, индивидуалистское мировоззрение), присутствующие в ИМ любого общества одновременно, но на условиях доминантности – комплементарности [6, с. 74].

При доминировании редистрибутивных институтов институциональная матрица относится к X-типу («незападному»), рыночных – к Y-типу («западному»). Доминирование институтов определенного типа в институциональной матрице определяет их доминирование в институциональной среде в целом.

## Результаты исследования

Для каждой общественной системы характерен определенный сложившийся баланс между редистрибутивными и рыночными институтами. Однако диалектика развития обуславливает динамичность социальной системы, что отражается в изменчивости ее институциональной матрицы под влиянием как эндогенных, так и экзогенных факторов (вследствие диффузии или преднамеренной трансплантации институтов извне [11]). Изменения ИМ могут происходить постепенно и скачкообразно [5, с. 228]. Первый случай соответствует эволюционному этапу развития. Однако именно в данный период происходит нарастание внутреннего неравновесия институциональной матрицы, конфликта между «каркасом» ИМ и ее новыми элементами, следствием чего является зарождение и развитие кризисных явлений. При определенных условиях в результате нарастания кризиса система приближается к «точке бифуркации», в которой эволюционный путь разветвляется и где осуществляется скачкообразный переход в одно из возможных состояний. Таким образом, сущность кризиса – в преобразовании институциональной матрицы с целью придания ей нового качества.

Неустрашимое нарушение сложившегося баланса между доминантными и комплементарными институтами вызывает трансформацию общественного сознания, важным элементом которого является религия. Таким образом, с неизбежностью кризис проявляется в изменении религиозных институциональных форм. Проанализируем характер этих изменений на примере кризисов, которые наблюдались в общественных системах различных типов.

В качестве классической общественной системы, где складывалась институциональная матрица X-типа, можно рассматривать Византию. Для окруженной неисчислимыми врагами Византии первоочередной задачей была защита от внешней агрессии. Эту функцию могло выполнить только сильное, предельно централизованное государство. Таким образом, необходимым условием выживания социума в данном случае было доминирование в институциональной матрице редистрибутивных институтов.

Восточнохристианская церковь стремилась сохранять определенный демократизм (в институциональном понимании – «рыночность») внутри себя, выполняя тем самым компенсаторную функцию [16]. Решения, касавшиеся церковной жизни, принимались большинством голосов и имели обязательную силу для всех. В раннесредневековой Византии в работе соборов наряду с клиром участвовали и миряне. Жизнь церкви между соборами регулировалась на основании достижения консенсуса патриархами при отсутствии строгой иерархии между ними.

В середине VII в. Византия столкнулась с невиданной прежде угрозой. Объединившиеся арабские племена захватили Египет, Палестину, Сирию, что привело к катастрофическим изменениям в экономике. Были утрачены главные житницы империи, что способствовало ее быстрой деурбанизации. Главной опорой государства стала крестьянская община с ее коллективной ответственностью (укрепление редистрибутивности в экономической и социокультурной сфере).

Обусловленные внешним натиском трансформации в экономической сфере вызвали изменения в политической подсистеме общества. Римская аристократия, прежде равномерно распределенная по провинциям, постепенно превратилась в церковную и правительственную служебную элиту, стремившуюся осесть в Константинополе, поближе к императору. Уменьшилась экономическая мощь и независимость верхних слоев общества при соответствующем укреплении императорской власти: социальная иерархия определялась теперь не столько земельной собственностью, сколько близостью к трону. Изменился принцип территориально-административного деления: на смену провинциям, в которых военная и гражданская ветви власти были разделены, с целью лучшего реагирования на растущие угрозы пришли фемы, управляемые стратегами, обладавшими всей полнотой власти. Всё это свидетельствовало об укреплении редистрибутивности в политической сфере.

Необходимость жить в условиях постоянной военной угрозы (особенно на азиатских окраинах империи), ухудшающееся экономическое положение, трансформации в политической сфере обусловили рост недовольства, упадок культуры и всплеск суеверий. Возникло «кризисное» мироощущение: на смену представлениям о Византии как о Новом Риме – могучей державе, несущей свой свет во все уголки мира, появилась идея Нового Иерусалима – островка подлинной веры, окруженного врагами. Социальные противоречия приобрели острую форму, при которой стало невозможным стабильное, устойчивое развитие общества. Византия вошла в кризисный период.

Происходящие изменения общественной системы нашли отражение в религиозных институциональных формах. При этом наблюдаются два тренда. Первый из них связан с откликом масс на кризис и проявляется в абсолютизации роли религиозных реликвий (на грани идолопоклонства, характерного для язычества) и порождении религиозной «многоголосицы», когда каждый регион чествует своего святого как главного защитника. В условиях цементирования редистрибутивных институтов это было стихийной попыткой («снизу») адаптации общества к кризису, заключавшейся в укреплении рыночных элементов в единственной доступной массам сфере – религиозном культе.

Второй тренд (инициированный «сверху») связан с императором Львом III Исавром, начавшим осуществление в начале VIII в. реформ, основу которых составляло иконоборчество, представлявшее распространение редистрибутивности на религиозную сферу. Император объявил иконы ложными идолами, поклонение которым вызвало Божий гнев и, как следствие, победы арабов над византийцами. Аргу-

ментированное тем, что Христа невозможно правильно изобразить, поскольку он не является человеком в обычном смысле, иконоборчество представляет собой гибридизацию христианских институтов с элементами ислама, не признающего иконы, – религии общества, чье давление Византия испытывала.

С институциональной точки зрения иконоборчество порождало жесткую вертикаль, ранее не характерную для православия, во главе не с патриархом, а с императором, по своему усмотрению определяющим религиозную доктрину. Сын и преемник Льва III Исавра Константин V ужесточил вмешательство в духовную жизнь империи, законодательно запретив, помимо икон, поклонение святым и Богородице [17]. Путь к индивидуальному спасению, на которое ранее подданные империи могли рассчитывать, поклоняясь иконам у себя дома, теперь лежал только через храм и священников, одобренных императором.

Поскольку в Средневековье религия была неотделима от права, гибридизация религиозных институтов неизбежно отразилась в правовой системе. Лев III принял «Эклогу» – новый кодекс, который дополнил существовавшие правовые нормы христианской моралью, гибридизированной элементами ислама. В большинстве случаев смертная казнь заменялась на телесные наказания и не применяемое ранее, но широко используемое у арабов членовредительство, под которое в Византии подводилось уже христианское обоснование: Бог является совершенным существом, создавшим человека по своему подобию, а, уродуя преступника, византийцы отдаляли его от Бога и давали ему время на покаяние и божественное прощение [19].

Ценой значительных усилий иконоборчество, вводимое в Византии с двух попыток, продержалось чуть более столетия и все-таки было отторгнуто обществом. Окончательную точку поставил принятый в конце IX в. Львом VI Мудрым кодекс «Василики», который закрепил иконопочитание. В «Василиках», составивших основу правовой системы Византии до самого ее падения, сохранилось смешение религиозных и правовых норм, но с существенным добавлением рыночности: судьи получили определенную автономию в принятии решений (в случае противоречия буквы закона и местного обычая судьи могли выбирать сами, чему следовать).

Рассмотрим далее проблему духовно-нравственного кризиса XIV – начала XVI в. в Западной Европе, объединяющей страны с формировавшейся Y-матрицей. Его предпосылкой стал, прежде всего, закат эпохи крестовых походов, начавшийся с падения Иерусалима в 1187 г. и финализированный в утрате Акры в 1291 г. Крестовые походы сыграли огромную роль в развитии Западной Европы, вызвав мощный экономический рывок, стимулировавший зарождение капитализма. Произошли политические изменения: возросла роль папства, европейские королевства усилили влияние на Ближнем Востоке. Наблюдались преобразования в социальной сфере: крестовые походы открывали социальные «лифты» (сыновья, которые в силу примогенитуры не являлись наследниками, неимущие слои общества могли надеяться разбогатеть). Закат эпохи крестовых походов и, как следствие, разрыв торговых связей с Восточным Средиземноморьем нанесли удар по экономике Западной Европы.

Далее, под натиском монголов исчезает Арабский Халифат. Теперь главной внешней угрозой для Европы становятся османы, в XIV в. проникшие на Балканы. Османская экспансия, пик которой пришелся на XVI в., когда турки осадили Вену, а их авангард достиг Баварии, вызвала панику и апокалиптическое настроение в Европе.

Следующей предпосылкой духовного кризиса в Западной Европе явилось Авиньонское пленение пап. Западноевропейская политическая модель со времен варварских королевств базировалась на дихотомии двух равновеликих центров силы: светской и духовной ветвей власти. Эти центры силы стали основой для доминирования рыночных институтов в политической подсистеме и формирования институциональной матрицы Y-типа. Однако в XIV в. сложившийся баланс был нарушен в сторону резкого усиления светской власти и соответственно редистрибутивных институтов в институциональной матрице стран Западной Европы, что проявилось в Авиньонском пленении пап, когда главы католической церкви фактически назначались французскими королями. Одновременно происходило усиление жесткой вертикали (редистрибутивных элементов) во внутренней структуре церкви.

Наконец, предпосылкой духовного кризиса в Западной Европе стала эпидемия чумы, приведшая к невиданной смертности: (по разным оценкам, от чумы в Европе умерло от 30% до 60% населения).

Экономические последствия заката крестовых походов, натиска внешних врагов и эпидемии чумы и политические трансформации, проявившиеся в Авиньонском пленении пап, обусловили крайнее обострение социальных противоречий. Дисбаланс институциональной матрицы приобрел критический характер, вследствие чего стало невозможным стабильное, устойчивое развитие общества. Западная Европа вступила в эпоху кризиса, который нашел свое отражение, в частности, в духовно-нравственной сфере. Как его результат, возник ряд новых религиозных институтов.

Среди них – предложенная «сверху» идея реанимации крестовых походов, вылившаяся в Северный крестовый поход против прибалтийских язычников. Данный крестовый поход отличался от крестовых походов в Святую землю. Для христианской традиции в целом было не характерно распространение веры мечом. Религиозная доктрина определяла миссионерскую деятельность как предпочтительный инструмент распространения Христова учения, допуская насильственные методы лишь в случае, если язычник принял истинную веру, а потом от нее отказался, или если неверные захватили исконно христианские земли. Прибалтийские язычники не попадали ни под одно классическое обоснование для начала крестового похода. Северный крестовый поход представляет собой гибридизированную идею газавата («джихада меча»), направленную на укрепление редистрибутивности в институциональной матрице.

Еще одним новым институтом, возникшим как отклик на духовно-нравственный кризис, являлось санкционированное «сверху» паломничество – это путешествие к местам, имеющим сакральное значение для христианской веры и связанным с Христом, апостолами, Богородицей. По своим целям (освобождение от греха) палом-

ничество подобно хаджу у мусульман, что свидетельствует о диффузии в Западную Европу арабских религиозных институтов.

Другим институтом, возникшим в кризисную эпоху и предложенным «сверху», являлась испанская инквизиция. Как таковая инквизиция зародилась на два с половиной столетия раньше (в 1215 г.), как церковный суд для борьбы с ересью. Однако испанская инквизиция представляла собой принципиально новый религиозный институт, поскольку подчинялась напрямую испанским монархам, которые были объявлены «наиболее католическими» монархами. Если у турок, например, султан являлся в то же время и халифом, т.е. одновременно главой и светской, и духовной власти, для Европы это был первый прецедент, когда духовная и светская власть открыто объединялась в одном лице в светском монархе, что можно считать обретенной в ходе Реконкисты институциональной гибридизацией, в результате чего сформировалась модель, по своим свойствам подобная той, что встречалась на Востоке.

Новым институтом, предложенным «сверху», явилась также охота на ведьм. Инквизиция прибегала к методам дохристианских времен (испытание огнем, водой и проч.) и, следовательно, представляла собой гибридизацию христианства язычеством.

Кроме того, среди новых религиозных институтов – францисканство, возникшее «снизу», в массах, еще на ранних стадиях формирования кризиса – до окончания эпохи крестовых походов, но после утраты Иерусалима. Нищенствующие монашеские ордена, проповедовавшие аскетизм, иногда в крайних формах (цистерианцы, камальдулы), существовали и ранее, однако они не всегда жили по провозглашаемым принципам, были «привязаны» к нахождению в определенном монастыре с жесткой дисциплиной и иерархией и представляли собой путь спасения, доступный не всем (что позволяет говорить о наличии в них редистрибутивных признаков). Проповедовавшее индивидуальный путь к спасению, необходимость чтения Евангелия всем, призывавшее вернуться к демократическим идеалам раннего христианства, к эпохе апостолов, странствующее францисканство обладало характеристиками рыночного института и являлось институциональным гибридом восточного института дервишей.

К новым религиозным институтам особого типа, возникшим в эпоху кризиса и инициированным «снизу», можно отнести также гуманизм. По своей сути, гуманизм представлял собой своеобразную идеологию, но в ту эпоху любая идеология была неотделима от религии. Гуманизм зародился в эпоху Авиньонского пленения в Италии, когда папы ее практически не контролировали. Впервые со времен Античности в центр мироздания был поставлен человек, сам определяющий свое место в мире, на первый план выдвигались этические проблемы, провозглашались идеи о безграничных творческих возможностях личности, наделенной разумом, бессмертной душой, свободой в своих поступках и помыслах. Таким образом, гуманизм представляет собой институциональный гибрид католицизма времен Средневековья античными ценностями.

Лютеранство – новый религиозный институт, зародившийся в эпоху кризиса «снизу». Его доктринальной особенностью является тезис о том, что человек достигает спасения души не через церковь, а индивидуально, при помощи веры, даруемой

ему непосредственно Богом. Примечательно, что лютеране не признают икон, у них нет культа Богородицы, святых и ангелов, обосновывая это тем, что поскольку человек оправдывается только верою в Христа, через которую он входит в непосредственное общение с ним, ему для представительства перед Христом не нужны посредники. В этом проявляется гибридный характер лютеранства – это есть результат гибридизации христианства элементами ислама, также отрицающего иконы и святых.

## Обсуждение результатов

Проведенный исторический анализ свидетельствует о том, что кризис обусловлен возникновением существенного дисбаланса доминантных и комплементарных институтов в институциональной матрице.

Возможны различные пути адаптации общественной системы к нему: предложенные «сверху» или «снизу». В случае Византии к первым относятся реформы иконоборчества, направленные на распространение редистрибутивности на религиозную сферу, ко вторым – иконопочтение (чествование в различных регионах своих святых, что порождало религиозную «многоголосицу» в религиозной сфере и способствовало укреплению рыночных элементов в единственной доступной массам сфере – религиозном культе). В обоих случаях были предложены гибридные институты: иконопочтение, граничащее с идолопоклонством, есть гибридизация христианства язычеством; иконоборчество попыталось трансплантировать в христианство элементы ислама. Таким образом, гибридизация религиозных институтов (наделение их новыми характеристиками, присущими доминантным либо комплементарным институтам в ИМ) является одним из индикаторов духовно-нравственного кризиса и механизмов его преодоления.

Согласно фундаментальному принципу отражения психики, сформулированному А.Н.Леонтьевым, «приспособление организмов, которое всегда ... является своеобразным отражением ими свойств среды, приобретает также форму отражения воздействующих свойств среды в их объективных связях и отношениях» [8, с. 176]. Следовательно, религиозные институты являются отражением свойств среды обитания, человеку свойственно придавать представлению о Боге или богах черты окружающего мира, что подтверждается результатами исследований нового научного направления – география религий [20–22]. Отрицание визуальных изображений пророков и святых, которое можно рассматривать как религиозный институт, зародилось у арабских племен в Аравийской пустыне, и его следует связать с визуальной скудностью местного ландшафта. Поскольку пейзаж Аравии предельно минималистичен, арабам в момент становления их религии было сложно придать своему представлению о Боге какую-либо визуальную форму. Византия же, отличавшаяся намного более пышными средиземноморскими пейзажами, восприняла уничтожение икон с большим трудом, потому что это противоречило исконным представлениям ее жителей о Боге, порожденным географическими факторами.

Падение иконоборчества, несмотря на блистательные военные и административные успехи иконоборческих императоров, позволяет сделать следующие выводы. При укреплении (в целях преодоления кризиса) доминантных институтов в институциональной матрице нельзя их абсолютизировать путем практически полной ликвидации комплементарных институтов. Институциональный гибрид является более устойчивым, а его формирование способствует долгосрочному выходу из кризиса только в том случае, если в процессе гибридизации учитываются географические условия, в которых находится социум.

История Западной Европы также подтверждает, что духовно-нравственный кризис является следствием существенного дисбаланса институциональной матрицы, и демонстрирует два варианта отклика на него, которые нашли отражение в религии: «сверху» – укрепление комплементарных институтов в ИМ, и «снизу» – укрепление доминантных институтов в институциональной матрице. Такое отличие от случая обществ Х-типа связано с тем, что религия выполняет компенсаторную функцию в общественной системе и сглаживает возникающие институциональные дисбалансы при их несбалансированном крене в сторону редистрибутивности или рыночности. В данном случае также наблюдается явление гибридизации религиозных институтов, что может служить индикатором попытки общественной системы адаптироваться к кризису.

## Выводы

Таким образом, проведенный в работе анализ подтверждает, что духовно-нравственный кризис является следствием дисбаланса институциональной матрицы общественной системы (сложившегося соотношения между доминантными и комплементарными институтами, обеспечивающими устойчивое развитие общества). Индикатором кризиса является гибридизация религиозных институтов, в первую очередь, элементами религии общественной системы, внешнее давление которой испытывает кризисное общество.

При укреплении (в целях преодоления кризиса) доминантных институтов в институциональной матрице нельзя их абсолютизировать путем практически полной ликвидации комплементарных институтов. Кроме того, институциональный гибрид является более устойчивым, а его формирование способствует долгосрочному выходу из кризиса только в том случае, если в процессе гибридизации учитываются географические условия, в которых находится социум.

Изученная в статье гибридизация указывает на то, что религии в своем развитии взаимопроникали друг в друга намного больше, чем принято признавать, и опыт подобной гибридизации является наиболее прочным фундаментом плодотворного межконфессионального диалога.

## Список источников

1. Вильданов И.Э., Падерин В.К. Кризис как показатель назревших социальных изменений [Crisis as an indicator of urgent social changes] // Ученые записки Казанского университета. 2008. Т. 150. Кн. 4. С. 201–207.
2. Волков Ю.Г., Дакоро М.А., Сагалаева Е.С., Таланова К.С. Духовно-нравственный кризис в России: статические характеристики [Spiritual and moral crisis in Russia: static characteristics] // Социально-гуманитарные знания. 2014. № 12. С. 7–13.
3. Гринин Л.Е., Коротаев А.В. Циклы, кризисы, ловушки современной Мир-Системы: исследование кондратьевских, жюгляровских и вековых циклов, глобальных кризисов, мальтузианских и постмальтузианских ловушек [Cycles, crises, traps of the modern world system: study of kondratieff, juglar and secular cycles, global crises, malthusian and post-malthusian traps]. М.: Издательство ЛКИ, 2012.
4. Грызунова Е.А. Концепции кризиса социальной системы: сравнительный анализ [Concepts of social system crisis: comparative analysis] // Вестник МГИМО университета. 2012. № 4. С. 270–276. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2012-4-25-270-276>.
5. Добренев В.И., Кравченко А.И. Фундаментальная социология: в 15 т. Т. 6. Социальные деформации [Fundamental sociology. Vol. 6. Social deformations]. М.: ИНФРА-М, 2005.
6. Кирдина С.Г. Институциональные матрицы и развитие России: введение в X-Y теорию [Institutional matrices and Russia's development: An introduction to X-Y theory]. СПб.: Нестор-История, 2014.
7. Курило С.Н. Духовно-нравственный кризис человека как следствие переходного этапа общества: постановка проблемы [The spiritual and moral crisis of man as a consequence of the transitional stage of society: statement of the problem] // Историческая и социально-образовательная мысль. 2015. Т. 7. № 2. С. 137–140.
8. Леонтьев А.Н. Возникновение и эволюция психики [The emergence and evolution of the psyche] // Избранные психологические произведения: В 2-х т. Т. I. М.: Педагогика. 1983. С. 143–279.
9. Летняков Д.Э. Политико-идеологические тренды постсоветских обществ: попытка обобщения [Political and ideological trends in post-Soviet societies: an attempt of generalization] // Полис. Политические исследования. 2018. № 1. С. 129–142.
10. Малая А.В. Социально-экономический кризис: сравнительный анализ и пути его преодоления [Socio-economic crisis: comparative analysis and ways to its overcome] // Стратегия и тактика управления предприятием в переходной экономике. Астрахань, 2017. С.29–30.
11. Рождественская И.А., Тамбовцев В.Л. Импорт институтов и диффузия идей [Import of institutions and diffusion of ideas] // Журнал экономической теории. 2019. Т. 16. № 3. С. 468–479. <http://doi.org/10.31063/2073-6517/2019.16-3.14>.
12. Сухов А.Н. Социально-экономический кризис: теоретический аспект [Socio-economic crisis: theoretical aspect] // Человеческий капитал. 2018. № 2. С. 94–99. <https://doi.org/10.25629/НС.2018.02.11>.
13. Таланова К.С. Теоретические проблемы социологического исследования духовно-нравственного кризиса в современной России [Theoretical problems of sociological research of the spiritual and moral crisis in modern Russia] // Социально-гуманитарные знания. 2014. № 12. С. 328–333.
14. Штомпка П. Социология. Анализ современного общества [Sociology. Analysis of modern society]. М.: Логос. 2005.
15. Щипков А.В. Системный кризис общества и состояние посткапитализма [Systemic crisis of society and the state of post-capitalism] // Вопросы философии. 2019. № 9. С. 40–49.
16. Barakhvostov P.A. The Compensatory Function of Religious Institutions in the Society's Institutional Matrix // Mir Rossii, 2023. V. 32, № 4. P. 56–70. <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2023-32-4-56-70>.
17. Bréhier L. Le Monde Byzantin, Tome 1: Vie et Mort de Byzance. Paris: Albin Michel, 1947.
18. North D.C. Institutions // Journal of Economic Perspectives. 1991. Vol. 5. № 1. P. 97–112.
19. Freshfield E. A Manual of Roman Law: The Ecloga. Cambridge: Harvard Univ. Press, 1926.
20. Harris E.J. Utilizing the Theology of Religions and Human Geography to Understand the Spatial Dimension of Religion and Conflict // Religions. 2022. Vol. 13. No. 6. P. 496. <https://doi.org/10.3390/rel13060496>.
21. Richardson M. Geographic Roots, Anthropological Routes: New Avenues in Geographies of Religions // Geography Compass. 2022. Vol. 16. No. 3. P. e12613. <https://doi.org/10.1111/gec3.12613>.

22. Voigt S. Determinants of Social Norms I–The Role of Geography // Journal of Institutional Economics. 2024. Vol. 20. P. e5. <http://doi.org/10.1017/S1744137423000310>.

## Информация об авторе

БАРАХВОСТОВ Павел Александрович. Кандидат политических наук. Доцент. Доцент кафедры политологии Белорусского государственного экономического университета. <https://orcid.org/0000-0001-8943-5980>. Адрес: Белоруссия, 220070, г. Минск, Партизанский проспект, 26. [barakhvostov@yandex.by](mailto:barakhvostov@yandex.by)

## Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

## Информация о статье

Поступила в редакцию: 15 августа 2024 г. Одобрена после рецензирования: 7 октября 2024 г. Принята к публикации: 30 ноября 2024 г. Опубликовано: 4 декабря 2024 г.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

## Информация о рецензировании

«Россия и мир: научный диалог» благодарит анонимных рецензентов за их вклад в рецензирование этой работы.

## References

1. Vildanov I.E., Paderin V.K. Crisis as an indicator of urgent social changes. Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta [Scientific notes of Kazan University]. 2008; 150(4):201–207 [In Russian].
2. Volkov Yu.G., Dakoro M.A., Sagalaeva E.S., Talanova K.S. Spiritual and moral crisis in Russia: static characteristics. Social'no-gumanitarnye znaniya [Social and humanitarian knowledge]. 2014; 12:7–13 [In Russian].
3. Grinin L.E., Korotaev A.V. Cycles, crises, traps of the modern world system: study of kondratieff, juglar and secular cycles, global crises, malthusian and post-malthusian traps. Moscow: Izd-vo LKI, 2012 [In Russian].
4. Gryzunova E.A. Concepts of social system crisis: comparative analysis. Vestnik MGIMO [MGIMO Review of International Relations]. 2012; 4:270–276 [In Russian]. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2012-4-25-270-276>.
5. Dobren'kov B.I., Kravchenko A.I. Fundamental sociology (in 5 vols). Vol. 6. Social deformations. Moscow: INFRA-M, 2005 [In Russian].
6. Kirdina S.G. Institutional matrices and Russia's development: An introduction to X-Y theory. Saint-Petersburg: Nestor-Istoriya, 2014 [In Russian].
7. Kurilo S.N. The spiritual and moral crisis of man as a consequence of the transitional stage of society: statement of the problem. Istoricheskaja i social'no-obrazovatel'naja mysl' [Historical and socio-educational thought]. 2015; 7(2):137–140 [In Russian].
8. Leontiev A.N. The emergence and evolution of the psyche. Izbrannye psihologicheskie proizvedenija (in 2 vols), Vol. 1. Moscow: Pedagogika, 1983:143–279 [In Russian].
9. Letnyakov D.E. Political and ideological trends in post-Soviet societies: an attempt of generalization. Polis. Politicheskije issledivaniya [Polis. Political Studies]. 2018; 1:129–142 [In Russian].
10. Malaya A.V. Socio-economic crisis: comparative analysis and ways to its overcome. Strategija i taktika upravljenija predprijatiem v perehodnoj jekonomike. Astrakhan, 2017:29–30 [In Russian].

11. Rozhdestvenskaya I.A., Tambovtsev V.L. Import of institutions and diffusion of ideas. AlterEconomics. 2019; 16(3):468–479 [In Russian]. <https://doi.org/10.31063/2073-6517/2019.16-3.14>.
12. Sukhiv A.N. Socio-economic crisis: theoretical aspect. Chelovecheskij kapital [Human capital]. 2018; 2:94–99 [In Russian]. <https://doi.org/10.25629/HC.2018.02.11>.
13. Talanova K.S. Theoretical problems of sociological research of the spiritual and moral crisis in modern Russia. Social'no-gumanitarnye znaniya [Social and humanitarian knowledge]. 2014; 12:328–333 [In Russian].
14. Shtompka, P. Sociology. Analysis of modern society. Moscow: Lagos, 2005 [In Russian].
15. Shchipkov A.V. Systemic crisis of society and the state of post-capitalism. Voprosy filosofii [Questions of philosophy]. 2019; 9:40–49 [In Russian].
16. Barakhvostov P.A. The Compensatory Function of Religious Institutions in the Society's Institutional Matrix. Mir Rossii. 2023; 32(4):56–70 [In English]. <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2023-32-4-56-70>.
17. Bréhier L. Le Monde Byzantin, Tome 1: Vie et Mort de Byzance. Paris: Albin Michel, 1947 [In French].
18. North D.C. Institutions. Journal of Economic Perspectives, 1991; 5(1):97–112 [In English].
19. E. A Manual of Roman Law: The Ecloga. Cambridge: Harvard Univ. Press, 1926 [In English].
20. Harris E.J. Utilizing the Theology of Religions and Human Geography to Understand the Spatial Dimension of Religion and Conflict. Religions, 2022; 13(6):496 [In English]. <https://doi.org/10.3390/rel13060496>.
21. Richardson M. Geographic Roots, Anthropological Routes: New Avenues in Geographies of Religions. Geography Compass. 2022; 16(3):e12613 [In English]. <https://doi.org/10.1111/gec3.12613>.
22. Voigt S. Determinants of Social Norms I–The Role of Geography. Journal of Institutional Economics., 2024; 20:e5 [In English]. <https://doi.org/10.1017/S1744137423000310>.

## About the author

Pavel A. BARAKHVOSTOV. CandSc. (Polit.). Associate Professor. Associate Professor of the Department of Political Science, Belarusian State Economic University, <https://orcid.org/0000-0001-8943-5980>. Address: 26, Partizansky Prospekt, Minsk, 22070, Belarus, [barakhvostov@yandex.by](mailto:barakhvostov@yandex.by)

## Contribution of the author

The author declares no conflicts of interests.

## Article info

Received: August 15, 2024. Approved after review: October 7, 2024. Accepted for publication: November 30, 2024. Published: December 4, 2024

The author has read and approved the final manuscript.

## Peer review info

«Russia & World: Scientific Dialogue» thanks the anonymous reviewers for their contribution to the peer review of this work.